

18+

В. Ермаков

Грани теней

Повесть

Jean Paul

Louis Pastin

Lloyd John

Francesco Domiani

Илья Крупнов

Герман Шумский

հղ՞՞՞ ծճոճճոճճո

タカナバです

박정하 Վանո Աբրահամյան

Έλληνας Άθως

В. Ермаков

Грани теней. Повесть

«Издательские решения»

Ермаков В.

Грани теней. Повесть / В. Ермаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511353-5

Иногда только опытный взгляд может распознать в человеке его двойственную натуру, которая подчиняется двум разным индивидам, один из них настоящий по документам и по форме, другой лишь обладает духовной властью над телом, продолжая давно начатое действие. Наполеон, сколько ты еще будешь блуждать в нашем мире?

ISBN 978-5-00-511353-5

© Ермаков В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Грани теней

Повесть

В. Ермаков

© В. Ермаков, 2021

ISBN 978-5-0051-1353-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В дверь тихонько поскреблись, Устинович приподнял голову от стола, заваленного бумагами:

– Войдите.

На пороге кабинета возник невзрачного вида человек.

– Разрешите?

– Проходите.

– Здравствуйте, моя фамилия Невзоров. Николай Васильевич Невзоров. Я главный врач психоневрологического диспансера.

– Здравствуйте. Капитан Устинович. Проходите, садитесь. Чем могу служить?

Доктор подошел к столу, сел на стул, осмотрелся и внимательно посмотрел в глаза капитану. Его взгляд был настолько цепкий и пронизывающий, что Устинович невольно передернул плечами.

– Вы меня изучаете, что ли? – непроизвольно вырвалось у него.

– Извините, это профессиональное. Мне сказали, что вы вели дело об убийстве нашего мэра, Сокольникова Петра Афанасьевича.

– Да. Я занимаюсь этим расследованием. А что вас, собственно, интересует? Дело пока не закрыто. У вас есть какие-то сведения?

– Собственно, конкретных сведений у меня нет. Скорее, есть некоторая информация, которая не может в вашем понимании быть правдоподобной, более того, это всего лишь мои догадки, предположения. Вы можете уделить мне несколько минут? Я попытаюсь вкратце объяснить суть моего дела.

Устинович откинулся на спинку стула:

– Ну, если вкратце.

– Извините меня еще раз за пристальный взгляд, но мне нужно убедиться, что вы сможете понять меня, и не только понять, но и провести некоторые эксперименты, как раз связанные с Петром Афанасьевичем.

– Эксперименты? Какие еще эксперименты?

– Я не могу их квалифицировать как следственные мероприятия, поэтому правильнее их будет назвать экспериментами. Дело в том, что я лично знаком с бывшим нашим мэром, но это знакомство было связано с работой моей как главного врача поликлиники для душевнобольных. Здание наше требовало капитального ремонта, и, естественно, мы своими силами не могли его провести. Поэтому я пришел на прием к Сокольникову. Он меня внимательно выслушал и пообещал посодействовать и при этом странно так пошутил, дескать, что с его работой ему прямая дорога в психушку. И действительно, он помог и с материалами, и со строителями и несколько раз сам приезжал, проверял, как идет ремонт. Мы с ним беседовали у меня в кабинете на различные темы, но он ни разу не попросил меня хоть о каком-нибудь обследовании, хоть предварительном. Отшучивался, что если кто узнает, то можно сразу писать прошение об отставке. Но судя по его лицу, я чувствовал, что его что-то тревожит. Когда я узнал о его гибели, для меня это было личной трагедией. Я тяжело переживал его смерть и даже чувствовал свою вину в этом. Но совсем недавно к нам поступил пациент с тяжелой формой невроза и при этом стал называть себя Петром Афанасьевичем, я задумался об этой форме проявления недуга. Конечно, и раньше довольно часто мне приходилось встречаться с подобными симптомами проявления мании величия и присвоением себе имен великих людей. В психиатрии это явление изучается многими психиатрами, но толкового объяснения пока нет. Меня же эта тема взволновала потому, что здесь присвоение имени знакомого мне человека и, мало того, мой пациент в минуты сильных приступов узнает меня как главного

врача психдиспансера и интересуется, как идет ремонт крыши здания. И однажды я подыграл ему, как обычно мы беседовали с Сокольниковым у меня. Я перевел разговор на интересную в свое время Петру Афанасьевичу тему про охоту, на что пациент очень живо откликнулся и точь-в-точь поведал мне историю про охоту на кабана, которую я уже слышал от настоящего Сокольникова. Конечно, этот пациент мог знать эту историю и даже мог участвовать в ней, поэтому я стал вспоминать из бесед те моменты, которые Петр Афанасьевич упоминал во время его визитов в поликлинику. Конечно, такие проявления у пациента не часты, да и после них он впадает в тяжелое состояние, потому что в этот момент он находится в сильнейшем возбуждении и я не могу его долго расспрашивать. И что меня поразило, это то, что он почти всегда в такие моменты отвечает правильно и обращается ко мне как тогда. А однажды он назвал меня душевным аналитиком. В свое время Сокольников назвал меня так, это было один раз, и больше он не повторялся. Вот тут-то у меня и появилось желание провести своего рода эксперимент, свести его с ближайшим родственником, которого он бы узнал, и этот родственник мог бы узнать от него какие-нибудь подробности из их детства. И дальше больше, пациент мог бы рассказать о подробностях гибели настоящего Сокольникова. – При этом Николай Васильевич очень пристально всмотрелся в глаза капитана, надеясь увидеть в них понимание.

Устинович, не проронивший ни слова во время рассказа доктора, заерзал на стуле под его пронизывающим взглядом. В последнее время люди по-другому начали воспринимать действительность, и сейчас просто так отмахнуться от рассказа доктора он не мог. Тем более что перед ним не просто обыватель, а исследователь, врач, человек, заслуживающий доверия. Конечно, это пока никак не пересекалось с его работой, а уж тем более с запутанным делом об убийстве мэра.

– А я чем могу помочь? – нарушил свои размышления Устинович.

– Видите ли, как вас величают? – спросил доктор.

– Александр Витальевич.

– Александр Витальевич, дело в том, что здесь необходимо использовать тех людей, которые тесным образом были связаны с Сокольниковым по работе, в жизни. Но сами понимаете, мало кто захочет общаться со мной, доктором-психиатром. А вот с вами, в рамках следствия по делу, как раз наоборот, обязаны будут общаться. По сути дела, этот случай рядовой, обычный в нашей врачебной практике. Здесь дело в другом, у меня есть версия этого явления, но о ней я бы предпочел рассказать после некоторых экспериментов, уже надеясь на вашу помощь.

– А как вы себе представляете встречу, скажем, родственника Сокольникова с этим вашим больным?

– Ведь вы в рамках следствия можете на вполне законных основаниях вызывать людей, которые, по-вашему мнению, хоть как-то могут помочь в расследовании? – Николай Васильевич пытливо посмотрел на капитана.

– Разумеется. Но я уже опросил многих фигурантов, и мне пока, честно говоря, не за кого зацепиться.

– Вот поэтому я и предлагаю начать с брата Сокольникова – Николая. Насколько я знаю от самого Сокольникова, они были в прекрасных отношениях. Вот он-то нам может очень здорово помочь, вспоминая некоторые случаи из детства, про которые могут знать только они, и тем самым мы сможем проверить мою гипотезу.

Устинович пытливо посмотрел на доктора:

– Что за гипотеза?

– Весьма интересная гипотеза, но, как и всякая гипотеза, должна быть самым тщательным образом проверена. Ошибиться здесь никак нельзя. На кону моя честь и репутация и, наконец, работа, которой я очень дорожу. Все очень просто, Александр Витальевич, – Нико-

лай Васильевич заговорщицки наклонился через стол к капитану, – вы вызовете Сокольникова Николая к себе в кабинет и проведете с ним беседу в рамках дела, а потом предложите провести очную ставку, ну скажем, со свидетелем. И здесь самое главное, чтобы в интересах дела Николай ни о чем ни с кем не разговаривал. Возьмите с него подписку о неразглашении данных по делу до конца следствия. А на очную ставку мы его пригласим в больницу, нормальную больницу. Я договорюсь на 2—3 дня об отдельной палате для своего пациента. И еще. Мне необходимо присутствовать при вашей беседе с братом Сокольникова. Его надо подготовить к нештатным ситуациям, которые могут возникнуть при встрече.

– Какие ситуации? – Капитан несколько отстранился от доктора.

– Видите ли, Александр Витальевич, – доктор на секунду задумался, – может так случиться, что мой пациент узнает в брате Сокольникова действительно брата, на что Николай должен подыграть ему. Вот эту ситуацию и надо объяснить при вашей встрече Николаю очень деликатно. И тогда он может вместе с моим пациентом вспомнить некоторые эпизоды из их глубокого детства, о которых мог знать только Николай и настоящий Сокольников. Конечно, здесь нужно позаботиться о психическом состоянии самого Николая, для него это может быть шоком.

– Вы это всерьез, Николай Васильевич? – Капитан смотрел на доктора. – Как это может быть? Уж не хотите ли вы сказать, что душа убитого Сокольникова переместилась в тело вашего душевнобольного?

– Именно, именно! – Доктор вскочил. – Да, именно душа, и именно переместилась, но временно. И я рад, что вы сами пришли к такому заключению, очень рад.

– Чуть какая-то, – пробурчал капитан.

– А вы примите это пока только на время следствия, а там посмотрим.

Капитан нахмурился и задумался: «Конечно, чистейшей воды профанация. Шеф точно не одобрит подобные мероприятия. И как бы потом вместе с этим доктором не оказаться в его же заведении под присмотром других более проницательных светил психиатрии».

– Мне надо подумать. Подобные мероприятия вряд ли одобрит мое начальство, скорее, запретит.

– Я понимаю ваше состояние, Александр Витальевич, – доктор напирал, – но вы поймите, если мои предположения подтвердятся, то мы можем выйти на новый уровень понимания подобного состояния пациентов. Более того, мы сможем адекватно оценивать его и правильно назначать лечение. Но самое главное не в этом, Александр Витальевич. Самое главное в понимании сути происходящего и в дальнейшем его использовании. Я мог бы вам выложить свою пока что гипотезу, но после проведения подобных мероприятий вы бы лучше стали меня понимать.

– Хорошо, – капитан откинулся на спинку стула, – давайте попробуем.

– Спасибо, – Невзоров прямо-таки просиял, – я очень благодарен вам, Александр Витальевич. У меня просто зуд в руках пошел от нетерпения. Подобного мероприятия я ждал очень долго. Спасибо, что поддержали меня, буду ждать от вас звонка для встречи и инструктирования Сокольникова Николая Афанасьевича.

– Это уже обязательно. Мне вряд ли удастся как-то вразумительно поставить задачу Сокольникову. О технической стороне дела можете не беспокоиться, мои ребята обеспечат видеосъемку на максимальном уровне.

– Еще раз громадное спасибо. До свидания. – И доктор торопливо вышел из кабинета.

– До свидания. – Капитан встал из-за стола и подошел к окну.

Устинович размышлял, чем сулят лично ему подобные мероприятия: «Если фильтровать доклады своему шефу, то можно некоторое время продержаться. Но до полного раскрытия дела с душевнобольным, якобы свидетелем, не дойти. Понятие невменяемости никто не отменял, и любая защита развалит дело еще до суда. Если только через этого пациента не удастся

выйти на настоящих исполнителей преступления, а потом уже раскручивать их. А что может сказать подопечный доктор? Пациент, если в него действительно переместилась душа убитого мэра, может рассказать о самом убийстве, назвав конкретного исполнителя. Бред какой-то. Так далеко можно зайти. Хотя порассуждать даже в этом направлении никто не запрещает. Мысли на расстоянии, надеюсь, еще не научились записывать».

Он встал, чувствуя некоторое возбуждение.

«Пациент может описать картину своего убийства в деталях. Хотя стоп, какие детали? Сокольников был убит из снайперской винтовки и видеть убийцу не мог. Тогда остается прощупывать его окружение, аккуратно расспрашивая больного про каждого из его помощников, замов до тех пор, пока не появится хоть малейшая зацепочка.

Должность мэра предусматривает большие возможности как для улучшения своего личного благосостояния, так и связь с людьми, которые преследуют свои корыстные планы. Не секрет, что любой мало-мальски крупный чиновник находится под пристальным вниманием криминальных структур и испытывает постоянное давление с их стороны. Кто-то сразу поддается соблазну больших вознаграждений, кто-то нет. Кто-то живет дольше, кто-то меньше. Это как наркотическая зависимость. Однажды вкусив сладкий плод больших денег, отказаться уже от них не в силах, да и не дадут отказаться. Плод всегда застревает в горле, это непреложный закон коррупции и проблема больших чиновников.

И для начала необходимо тщательно побеседовать с самим доктором. Он как раз и говорил, что Сокольников жаловался ему на что-то и выглядел подавленно. Значит, он тогда испытывал давление со стороны каких-то людей и наверняка убийство связано с несговорчивостью мэра в отношении какого-нибудь лакомого куска городского хозяйства.

А здесь уже надо будет посмотреть на распродажу с торгов участков земли в городской черте или другой городской собственности за последние 2—3 года. А особенно на ту городскую собственность, которая по каким-либо причинам не дошла до торгов, но перестала быть городской и перешла в частные руки тихим способом. И обратить внимание на новостройки этих супермаркетов, которые как грибы после дождя полезли в большом количестве, да еще в непосредственной близости друг от друга. И стоят полупустые, переманивая друг у друга покупателей различными скидками и сомнительными торговыми акциями. Вот тебе и доктор с психом. Столько проблем очертил он своим тихим появлением, да еще гипотезу на проверку представил. Конечно, в нынешнее время много различных теорий появилось, в том числе и о существовании души. Даже вес ее измерили – одна сотая грамма. Многие верят, многие спорят. На данный момент появилась еще одна теория, и доказать или опровергнуть ее предстоит мне. Что ж, можно попробовать организовать встречу брата Соколова с пациентом доктора, тем более что встреча будет вне стен его конторы. И если из этого ничего не получится, то можно и не докладывать начальству, а тихо распрощаться с доктором и искать другие возможные варианты продолжения следствия».

Глава 2

Устинович вызвал повесткой Сокольниково Николая Афанасьевича на вторник с расчетом проведения встречи в больнице на следующий день. Сегодня пятница, конец недели, можно подумать и об отдыхе. Как правило, у него не было хорошо очерченных планов на выходные. Александр жил один в своей маленькой однокомнатной квартире почти на краю города, на другом конце города от своих родителей, которых он не жаловал своим частым посещением. Вырвавшись из-под жесткой опеки отца, он чувствовал полную свободу, поэтому сразу же, переехав в квартиру бабушки, привел к себе свою подружку. Дождавшись ее совершеннолетия, они поженились, устроив вместо пышной свадьбы скромную вечеринку, тем самым он еще раз уколол своего родителя. Невестка училась в институте, и Александр всячески помогал то ей, то своим многочисленным друзьям, настраивая их компьютеры в свое свободное время, которое чаще выпадало на выходные. А поехать куда-нибудь за город или к родителям на дачу он не мог из-за своих обещаний помочь всем друзьям. Долгие задержки на работе, друзья по выходным сделали свое дело: жена нашла более свободную кандидатуру, и в один из вечеров он остался один на один со своим котом и «аськой», забитой постоянно зовущими и просящими друзьями. Детей у них не было, поэтому он не стал упрашивать жену вернуться, и без особой нервозности поделили свое нехитрое имущество, в том числе и кота, и разбежались без излишней жалости друг к другу. Сделав некоторые выводы, он разом обрубил своих компьютерных вымогателей и остался не у дел в свои законные выходные. Родители хотели воспользоваться выпавшей возможностью использовать сильные руки для обработки своего немаленького участка, но Александр недвусмысленно дал понять, что не желает тратить свои молодые годы на огороде, возделывая целое лето овощные культуры, которые он мог купить себе сразу все за один раз. И он спал в те редкие выходные до обеда, а потом слонялся по друзьям.

На этот раз, ввиду представившейся редкой возможности пораньше закончить дела, Устинович решил заглянуть в книжный магазин. Недели две назад он обратил внимание на девушку, менеджера зала, которая беседовала с покупателем, и Александр запомнил тогда хорошо поставленный голос девушки и подумал, что с таким голосом и с такими превосходными внешними данными надо работать секретарем в приличной компании. Обладая хорошей памятью на лица, он без труда воскрешал в памяти образ девушки и иногда мысленно с ней разговаривал, представляя их знакомство.

Александр выключил компьютер, посмотрел на стол. Надо было найти причину, придумать вопрос, с которым можно будет обратиться к девушке, не вызывая подозрения с ее стороны. И вопрос должен быть таким, чтобы можно было надолго задержать ее внимание. И вопрос возник сам собой – душа. Есть ли душа? И где об этом можно почитать, а уж тем более поинтересоваться у девушки о наличии таковой, и, конечно же, связать это с предстоящим экспериментом. Так что вопрос будет очень даже полезным со всех сторон.

В конце рабочего дня в магазине было не очень много народу, хотя и это вызывало у Александра некоторое недоумение. Сейчас практически любую книгу можно отыскать в интернете в электронном виде и бесплатно. Но все равно люди шли в магазин и покупали книги, хотя цены на них были не такими уж безобидными, если не сказать больше, иногда они были значительными.

Девушку он заметил сразу, она стояла у компьютера и, похоже, оформляла заявку на книгу от дамы, которая ей очень живо говорила:

– И, пожалуйста, Леночка, чтобы она была в твердом переплете. А то откроешь книгу раз-два, она и рассыпается.

– Да-да, конечно, Эльвира Анатольевна, я помню. Я позвоню вам, как только книга придет к нам.

– Обязательно, я буду ждать. Не люблю я читать с монитора, да и внуки занимают компьютер, что не подступиться. А так в любой момент взял и почитал, иногда и уснуть не грех с книжкой в руках. Все удобней.

Александр сделал вид, что изучает полку с книгами, ожидая момента, когда девушка останется одна, уж больно вопрос у него был щепетильный, не для всяких ушей. И когда дама, наконец наговорившись, ушла, он подошел к девушке и, изобразив глубокую задумчивость, обратился к ней с вопросом:

– Извините, пожалуйста, за мою, может быть, необычную просьбу, что вы можете мне порекомендовать, чтобы прочитать о существовании души? Сразу хочу предупредить, что вопрос не праздный, а, скорее, теперь уже профессиональный.

– Однако, – девушка искренне удивилась, – это вам нужно обратиться к разделу эзотерики. Никогда не думала, что вопрос о душе может быть связан с профессией. Вы священник? Судя по виду, вы к таковым не относитесь. Да и для священника этот вопрос не существует.

– Эзотерика... А где это?

– А вон там их стеллаж, пойдемте покажу.

Они подошли к стеллажу, и девушка почти сразу вытащила книгу:

– Вот, я думаю, эта книга сможет ответить на ваш профессиональный вопрос. – Она улыбнулась.

Александр взял книгу:

– Вы сразу подали мне книгу, я могу предположить, что вы знакомы с этой книгой и, более того, вы можете высказать свою версию существования души?

– Конечно, я читала эту книгу. Но своих версий, помимо тех, которые здесь представлены, я еще не успела выработать. Да и рано пока о душе заботиться, надеюсь, я еще не успела сделать всего такого, чтобы просить у господина прощения для моей души. Извините, а кем вы работаете? Чем вас так сильно заинтересовала душа?

– Я следователь, но я не исследую души, скорее, дела ими совершенные. А с недавнего времени мне придется вплотную заняться этим вопросом, и хотелось бы знать, до каких предрассудков додумались люди в вопросе существования души, а если быть еще точнее, в вопросе перевоплощения душ.

– Как интересно. Вы это серьезно? – Девушка посмотрела на Александра пытливо. – Это и вправду вас интересует? Мне казалось, что вы затеяли этот разговор с другой целью.

– Если честно, то целей две. Первая – это познакомиться с вами, а вторую я уже озвучил. И что я теперь нахожу – это то, что, познакомившись с вами, я могу с вашей помощью вплотную приблизиться к познанию души. Так уж складывается сегодня день: одно проистекает из другого. Меня зовут Александр, а вас, как я слышал, зовут Еленой.

– Вы подслушали наш разговор с Эльвирой Анатольевной? – Елена насмешливо посмотрела на Александра.

– Его и не надо было подслушивать, она так громко с вами разговаривала, и я думаю, что все посетители теперь знают, как вас зовут.

– Да, вы правы, меня действительно зовут Лена. И как я могу вам помочь? Прочитав книгу, вы и сами все узнаете.

– Чтобы составить более полную картину по интересующему меня вопросу, одной книги будет недостаточно, да и тема очень деликатная. Раз вы читали эту книгу, значит, и другие тоже не обошли вниманием? Может быть, вы мне поможете и сразу донесете их содержимое в одном кратком и устном изложении?

– Прямо здесь и сейчас? – Елена улыбнулась.

– Ну почему же? Можно обстоятельно побеседовать в кафе, если вы не возражаете?

– Вообще-то у меня еще рабочий день не закончился, да и как-то неожиданно все это.

– Я понимаю, что для вас это неожиданно, для меня же, наоборот, удачное стечение обстоятельств: представился хороший повод познакомиться с вами и возможность ознакомиться с интересующим меня вопросом. Я приглашаю вас в кафе «Терновый венец», там хорошая кухня и обстановка приятная.

– Я даже не знаю, надо родителей предупредить.

– Вы не беспокойтесь, я вас провожу. Соглашайтесь. У нас ведь будет, скажем так, не просто вечер знакомства, а деловая беседа за круглым столом. – Александр так подкупающе посмотрел на Елену, что она не в силах была отказать.

Глава 3

Жан-Поль почти уперся в бетонный парапет, отделяющий его ото рва, который опоясывал территорию перед зданием музея оружия. Он медленно поднял голову и долгим взглядом всмотрелся в старое зеленое орудие времен наполеоновских войн. И тут же явственно почувствовал полотняную ткань зарядного мешка с порохом, который он вкладывал в дуло орудия. Затем твердь рукояти шомпола, которым осторожно пропихнул заряд в глубь пушки, при этом выходящий воздух пыхнул ему в лицо. Жан-Поль явственно ощутил гладкость чугунного ядра и характерный металлический привкус во рту. Он почти нутром почувствовал рокот катящегося по стволу орудия ядра, и вдруг громкий оглушительный звук орудийного выстрела, который сотряс все внутренности, и резкий запах сгоревшего пороха – это все как яркая вспышка пронзило его всего с молниеносной быстротой. Жан-Поль вздрогнул от такого яркого видения, судорожно всхлипнул, как бы еще стараясь вдохнуть тот знакомый и волнующий запах войны. В который раз он находил себя возле этого Дома инвалидов. Он не помнил дороги к нему, времени, но каждый раз он вздрагивал от странных видений именно здесь, видений ярких и знакомых. И всегда было болезненное ожидание чего-то волнующего. Вот и на этот раз. Он пошел вдоль рва, поглядывая на орудия. Он помнил их, он слышал их пальбу, он видел огненные всполохи их выстрелов, и это наполняло его какой-то энергией и трепетом. Жан-Поль остановился перед входом в собор, тело била нервная дрожь. В билетной кассе купил билет и медленно двинулся к усыпальнице императора Наполеона I. Впервые сюда его привел отец еще совсем маленьким. Он рассказал ему о первом императоре, о его победах и завоеваниях. И уже тогда Жан-Поль, видя, как всегда бывает взволнован его отец в такие моменты, проникся симпатией к Наполеону, впоследствии много читал книг и смотрел фильмы про него.

Как всегда, было много народу, они фотографировали красный саркофаг, покоящийся на постаменте посреди зала. Жан-Поль встал в проеме зала и посмотрел на саркофаг. В этот момент он всегда видел одну и ту же картину: Наполеон стоял к нему спиной на берегу океана, заложив руки за спину, в своей шляпе и шинели, и смотрел вдаль. И Жан-Полю нестерпимо хотелось, чтобы император оглянулся. И временами ему даже казалось, что он уже поворачивается, но всегда в этот момент служитель собора трогал его за плечо и вежливо просил покинуть зал.

Наполеон стоял так же, не шелохнувшись. Ветер трогал фалды его шинели, океанские волны бились далеко внизу о скалистый берег. Солнце медленно садилось за горизонт, и Наполеон оглянулся. Ветер пахнул свежестью океанского прибоя так, что Жан-Поль задохнулся, он устремил свой взгляд в императора и непроизвольно наклонился, не упуская его из виду.

– Сир, – прошептал он, – вы все-таки оглянулись.

Глава 4

Устинович сидел за столиком кафе в ожидании Елены. В «Терновом венце» он бывал несколько раз. Сослуживцы пару раз приглашали сюда на обмывание своих очередных звездочек, да и сам несколько раз заходил сюда пообедать, чтобы как-то разнообразить свою холостяцкую кухню. Готовили, на его вкус, довольно прилично, да и официанточки были довольно симпатичными. Здесь было тихо и довольно уютно. По пути сюда он купил три алых розы, которые красовались в кувшине. И теперь он не знал, как поступить. То ли подарить Елене, подав в руки, то ли просто сказать о них, что цветы для нее? Вот ведь этикет. Нигде не учили этим изыскам в тех заведениях, в которых он учился. А читать книги по развитию добрых манер уже не позволили время и работа.

Елена вошла в зал, Александр встал и приветственно взмахнул рукой. Как же могут преображаться женщины? Другая кофточка, чуть взбитая прическа, легкий макияж, туфли на высоком каблуке – и в ней уже трудно узнать ту, в магазине, которую видел полтора часа назад.

– Прекрасно выглядите. Это вам, – он кивнул на цветы. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо, – Елена улыбнулась, – тысячу лет не была в кафе. А здесь мило.

– Я заказал к вашему приходу их фирменный салат, надеюсь, он вам понравится, и бутылочку французского совиньона, а остальное по вашему вкусу. У нас ведь будет довольно обстоятельная беседа, и приятная еда может содействовать более плавному течению мысли.

Официантка принесла заказанные салаты, бутылку вина, приняла заказ и удалилась. Александр налил вино в бокалы и поднял свой:

– За приятное знакомство.

Они чокнулись.

– Хорошее вино. Честно признаюсь, Елена, я обратил внимание на вас недели две назад. Но, когда заканчивал работу, ваш магазин уже был закрыт. А сегодня обстоятельства сложились так, что все получилось. И визит посетителя, его необычная просьба, пятница, вы и подходящий повод для знакомства.

– И что вас больше в данный момент интересует? – Елена с улыбкой вопросительно посмотрела на Александра.

– Я думаю, мы сначала поужинаем, а потом обстоятельно побеседуем. В процессе бесед, а мне кажется, что такой вопрос нельзя решить за одну встречу, мы познакомимся поближе.

– Что ж, вы правы, такой вопрос не решить быстро, а чтобы понять друг друга, понадобится еще больше времени.

– Согласен. А вы кто по профессии?

– Литературовед. С детства люблю художественную литературу. Мама у меня учитель русского языка и литературы, вот я и пошла по ее стопам. Запоем читала все, даже пробовала писать, но читать люблю больше. Да и потом, я думаю, уже все написано. Вот поэтому я и работаю пока в книжном магазине, где еще можно быстрее познакомиться с новинками литературы.

– То есть работа и хобби удивительно совпали, – резюмировал Александр, – и в этом некоторый секрет человеческого счастья.

– Да, читаю в свое удовольствие, и за это еще и платят.

– А еще какие увлечения у вас есть? Простите, если слишком вопросительно, уже профессиональная привычка, но сейчас искренне интересуюсь.

– А еще люблю путешествовать. В прошлом году была во Франции, в Париже. Красота неопишуемая. Первые два дня было такое ощущение нереальности бытия, что останавливалась, чтобы сориентироваться в пространстве и во времени.

– Неужели там все так хорошо?

– Атмосфера там какая-то другая. Эйфорически-романтическая. Это же центр культуры, центр вселенной. Есть ни с чем не сравнимое чувство свободы, свободы действий. Люди сидят на ступеньках Гранд-опера, и никто их оттуда не сгоняет. Они лежат на травке газонов парков Тюильри, Марсова поля. И ни у кого это не вызывает удивления. Все, все кругом фотографируют, позируют. Всюду веселый разноязычный говор. Чуть задев друг друга, улыбаются и просят прощения. Всюду приветливость и улыбки. И улыбки не резиновые, настоящие, особенно у туристов. И нет такой настороженности, которая окутывает нашу жизнь здесь, где хочется побыстрее отвернуться, буркнуть что-то нечленораздельно, случайно задев чужую сумочку, и поплотнее закрыться в свою непроницаемую для чужих взглядов и мыслей скорлупу. А там, наоборот, раскрываешься навстречу веселому, доброму и хочется смеяться от ощущения легкости бытия. Это как скинуть с плеч тяжеленный рюкзак после длинного перехода. Именно эти чувства я переживала там, в Париже, а вернувшись сюда, по-настоящему скучаю и долго разглядываю фотографии улиц, памятников, людей. Попрактиковала там свой французский. Как ни странно, меня понимали, и я понимала их. Я очень искренне надеюсь, что поеду туда в ближайшее время. Во всяком случае, теперь у меня есть мечта, до которой я уже чуть-чуть дотронулась. Она завладела всем моим сердцем. Я хочу побывать во многих странах, самой ощутить атмосферу их жизни, понять чувство настоящей свободы.

Александр слушал Елену, и у него росло чувство откровенной симпатии к ней. Она говорила не о каких-то своих бытовых проблемах, она говорила о свободе, таком чувстве, которое у нас давно стерлось в сознании, которое неведомо уже многим поколениям наших людей.

– И все-таки позвольте с вами чуточку не согласиться, – улыбнулся он ей. – Уже одно то, что вы все это говорите мне, незнакомому пока человеку, да еще следователю, говорит о том, что и у нас сознание людей меняется.

– Да в том-то и дело, что очень медленно и с оглядкой назад, – с грустью констатировала Елена.

– Ну, мы немного отвлеклись от темы, – произнес Александр. – Что вы можете сказать мне о перевоплощении душ, если таковое имеется? С сегодняшнего дня этот вопрос для меня стоит очень остро. Либо я смогу решить важную для меня проблему, либо меня с позором проведут из органов.

– Вы в самом деле решили серьезно заняться этим вопросом? – удивилась Елена. – Меня до сих пор не покидает мысль, что все это ваш розыгрыш.

– Утром я тоже так думал, а вот к вечеру иные мысли пришли на ум. Так что вам известно о реинкарнации, по-моему, у индусов так это называется?

– Везде по-разному, – пожал плечами Елена, – люди хотят верить в жизнь после смерти, вот и придумывают всякое, во что сами потом и верят. Конечно, иногда даже в печати появляются разные сенсационные известия о том, что мальчик десяти лет от роду сказал, где он раньше жил, кто его жена и как его убили в прошлой жизни. И что якобы все это проверили и даже поймали убийцу. Но ведь это было где-то. А каждый из нас, чтобы поверить во что-то, хочет сам быть участником событий. А вот то, что представление о перевоплощении душ существует почти во всех религиях, говорит о многом. Нельзя просто так отмахнуться от трехтысячелетней истории человечества, надо проверять и проверять, – Елена хитро улыбнулась Александру.

– Одно дело – проверять версии, которые хоть как-то согласуются с уже общепринятыми человеческими правилами, другое дело – проверять существование некоторых человеческих предрассудков, о которых знают все, но принимают только отдельные, очень посвященные, или непосредственно через это прошедшие.

– И в этом отношении я бы хотела познакомить вас с методом регрессивного гипноза, – в голосе Елены послышались как раз те нотки, которые и привлекли внимание Александра к Елене.

– Так, внимательно слушаю, – он довольно серьезно взглянул на нее.

– Этот метод позволяет, как уверяют его последователи, вернуть человека не только в его недавнее прошлое, особенно когда человек был в беспамятстве, но и в его далекое прошлое, в другие жизни. При этом человек вспоминает такие вещи, которые можно перепроверить, и они совпадают. А иногда начинает говорить на иностранном языке и на довольно редком диалекте, что только специалист может проверить воспоминания, записанные на магнитофон. И такие специалисты-гипнологи есть и довольно успешно практикуют.

– Да, такие специалисты есть даже в нашем ведомстве, – как-то задумчиво подтвердил Устинович. – И что самое интересное, этим занимается и мой хороший знакомый. Вот он, как специалист, и расскажет мне об этих чудесах. И можно даже будет попробовать заглянуть в себя. Очень хорошо, Елена. Вы подсказали мне довольно точное направление поиска. Давайте выпьем за удачу, – он налил в бокалы вино.

– Давайте. – Елена взяла бокал за тонкую ножку и взглянула через него на Александра. – Желаю, чтобы эта удача не повлияла на ваше дальнейшее нормальное восприятие этого мира, ведь он прекрасен и так.

– Спасибо, а хотите маленький сюрприз, музыкальный? Я сейчас. – Александр встал и направился к диджею.

Когда он подходил обратно к столику, Ив Монтан уже исполнял песню «Небо Парижа».

– Разрешите пригласить вас на вальс? – Он галантно поклонился.

– С удовольствием, – улыбнулась Елена.

Она встала, и он, взяв ее за руку и талию, сразу от стола закружил ее в парижском вальсе. Посетители с восхищением уставились на них, и вот уже вторая пара закружилась с ними, третья. Приятный голос Монтана и французский аккордеон никого не оставили равнодушным, и все зааплодировали танцующим после последних аккордов.

Александр подвел раскрасневшуюся Елену к столику.

– А вы хорошо танцуете, даже удивительно, что кто-то еще танцует вальс. Большое спасибо вам, я так соскучилась по танцам.

– Спасибо, надеюсь, не откажете мне в любезности и согласитесь в следующий раз без повода пойти со мной в кафе.

– Согласна. Тем более что в следующий раз вы, может быть, поведаете мне о беседе со своим знакомым?

– Ну как же! Повод продолжается. Обязательно. А что вы делаете в субботу?

– В субботу моя смена в магазине. Люди в наш магазин чаще идут в выходные, с самого утра. И мне нравятся именно эти дни, когда больше посетителей. Больше вопросов, больше встреч и бесед. Время летит быстрее, не так устаешь.

– Я хотел пригласить вас в зоопарк. Сейчас осенью звери более активны, больше двигаются, и за ними интересно наблюдать. Тогда в воскресенье.

– В воскресенье можно. Я тоже люблю смотреть на животных, особенно на морских котиков. Так бы и плавала вместе с ними.

– Так, значит, в воскресенье где-нибудь после обеда я заскочу за вами.

– Хорошо.

– А в субботу зайду книжку посмотреть какую-нибудь в магазин.

– Заходите.

Глава 5

Император открыл глаза. Белая белизна потолка смутила его. На острове в его комнате нет таких потолков, снежно-белых. Белый потолок – как снег в России, бесконечный снег. Он внутренне сжался, он не мог забыть того холода до сих пор. Краем глаза он заметил женщину, сидящую у его кровати. Она что-то читала. Он всмотрелся в нее: «Новая служанка?» Довольно странная одежда. Она в штанах какого-то синего цвета, очень плотно облегающих ноги. Женщина сидела в профиль, и император вздрогнул: «Жозефина? Не может быть. Она же умерла три года назад, когда я отбывал ссылку на Эльбе. Очень похожа». Он хотел поднять руку, но рука была привязана к кровати. Вторая тоже.

Он резко дернул всем телом, женщина посмотрела на него:

– Ты очнулся, Жан? Ты в последнее время пугаешь меня своим поведением, и поэтому тебя привезли сюда, – она взглядом обвела палату. – Это хорошая клиника, прекрасные врачи, они обещают вылечить тебя, но только нужно время.

– Вы кто? – спросил император резким хриплым голосом.

– Жан, это я, Гортензия, твоя жена. Хотя твой врач предупредил, что ты можешь не узнать меня, своих детей. Нужно время.

– Где я? Маршан! Маршан! Выведи эту женщину. Да развяжите мне руки! Как вы посмели привязать меня? Вы превышаете свои полномочия, связывая императора Франции! – Император забился на кровати.

Гортензия вскочила с широко раскрытыми от ужаса глазами. В палату вбежали два дюжих санитаров и врач.

Врач подошел к женщине:

– Выйдите, пожалуйста. Вам не надо на это смотреть. Это приступ, так бывает.

– Да, но он называет себя императором Франции. Это ужасно. – На глазах у Гортензии навернулись слезы.

– Обычное явление для такого случая. Каждый пятый мнит себя императором Наполеоном.

Женщина вышла, врач подошел к кровати пациента, тот что-то бессвязно бормотал и дергался всем телом. Подошедшая медсестра с помощью санитаров ввела успокоительное, и пациент через некоторое время затих.

– Очередной Наполеон. И почему именно Наполеон? – спросил врач медсестру. – Гораздо чаще, чем другие знаменитости.

Та пожала плечами:

– Не принял всевышний его душу к себе, вот и мечется она, не зная покоя.

Врач недоуменно посмотрел на нее:

– Вы это серьезно, Анет?

– А что? Мне мама рассказывала, а ей ее бабушка. У них в деревне пропал сосед. Ушел в лес на охоту и не вернулся. Целую неделю искали, не нашли. А через год дедушка наш заболел странной болезнью, никого не узнавал и все рвался куда-то, его даже привязывали к кровати. Думали, умрет скоро. А тут жена соседа этого к бабушке зачем-то пришла. Дедушка ее увидел, упал перед ней на колени и закричал, чтобы она его из ямы вытащила, холодно ему там. Соседка перепугалась. Святому отцу пожаловалась. А тот сказал, чтобы они дедушку в лес отвели. Собрались они вместе с мужчинами, дедушку взяли, он и показал ту старую забытую волчью яму, а там скелет нашли соседа нашего. Он провалился туда на охоте и умер там. А вот душа его вошла в нашего дедушку и показала эту яму холодную. Дедушка после этого поправился. Правда, в полицию его забирали, допытывались, что он убил. Но вскоре отпустили. Я

думаю и здесь, – Анет пристально посмотрела на врача, – душа Наполеона мечется, хочет сказать что-то, а мы отмахиваемся, как от суеверия.

– Хватит, Анет. Это все предрассудки. Люди выдумывают всякую чепуху, а потом верят в свои же небылицы.

– Как знать. Хочется же во что-нибудь верить, мсье Дюран.

– В себя надо верить, в себя, – Мишель нахмурился. – А теперь оставьте нас.

Анет и санитары вышли из палаты. Дюран подошел к кровати пациента.

«Душа Наполеона. Что она нашла в этом тщедушном теле? Что она хочет нам сообщить? Чего еще не сделал император там, тогда? Кажется, русский психиатр Невзоров тоже склоняется к тому, что души давно умерших беспокоят живых, и чаще психически неустойчивых. Пока что это его версия».

Телефонный звонок сотового телефона прервал размышления:

– Але, Мишель, здравствуйте. Это Невзоров.

– О! Николай Васильевич! Как это у вас говорят, легки на помине.

– А вы что, вспоминали про меня?

– Да, только что.

– Ну так все очень просто. Я думал о вас и решил позвонить. Помните, Мишель, про наш разговор о переселении душ этой весной, когда я был у вас в Париже, на симпозиуме?

– Да, конечно, – удивленно ответил Дюран. – А почему вы спрашиваете?

– Дело в том, Мишель, что я намерен провести эксперимент, пока негласный. Сами понимаете, вопрос о душе довольно щепетильный. И в этом отношении мне нужна ваша помощь там, у вас, во Франции.

– И в чем она должна состоять?

– Дело в том, что наши с вами пациенты чаще других мнят себя Наполеонами. И вот у вас легче провести эксперимент, так сказать на родине у императора, в обстановке ему знакомой и родной. Мне кажется, ваши памятники времен Наполеона, картины, обстановка дворцов могут спровоцировать пациента на какие-нибудь воспоминания и тем самым поговорить с самим императором, – голос Невзорова в конце фразы прозвучал возбужденно. – Вы понимаете, Мишель, поговорить с самим Наполеоном.

– Простите, Николай Васильевич, – как можно мягче сказал Дюран, – но я пока не готов принять вашу догадку о переселении душ.

– Это не моя догадка, Мишель! – вскричал Невзоров. – Вся история человечества говорит об этом. Тем более что для проведения подобного эксперимента у нас здесь есть все основания, и, как мне кажется, довольно веские. В случае удачи я предоставлю вам видеоматериалы.

Глава 6

Император стоял у окна и смотрел во двор. Во дворе охранная рота английских солдат выполняла строевые упражнения. Уильям, командир роты, решил опять взбодрить своих залежавшихся подопечных. Здоровенного роста, он внушал к себе уважение.

В дверь постучали:

– Кто там, я никого не жду! – крикнул Наполеон.

– Простите, сир, это я, Мюрат.

Император резко обернулся:

– Мюрат?

Он пристально оглядел вошедшего с ног до головы.

– Вас не узнать.

– Два года тюрьмы изменят кого угодно, сир.

– Как вы оказались здесь?

– Меня выслали из Франции, разрешили по пути в Бразилию навестить вас.

– А где сестра моя, Каролина?

– Она в Австрии. После обустройства я собираюсь вызвать ее к себе, но она не хочет покидать Европу, поэтому я пока один.

– Вас тоже покинули, как вы меня тогда.

Мюрат, потупив голову, молча стоял.

– Вы боитесь смотреть мне в глаза, Иоахим. Если бы вы командовали тогда, при Ватерлоо, моей кавалерией, все было бы иначе. Маршал Ней взял не ту саблю, поэтому мы проиграли.

– Сир, я готов был сражаться вместе с вами, но вы прогнали меня.

– Да, прогнал, потому что вы предали меня, Мюрат. Вы бросили меня в самый тяжелый момент и уехали в Неаполь. А вот теперь, когда вас выгнали оттуда, вы приползли ко мне, потому что это я дал вам корону Неаполитанского королевства и вы хотели вернуть ее обратно с моей помощью. Вы были моим другом, и вот теперь, когда моя сестра отказалась от вас, вы посмели опять прийти ко мне, чтобы заручиться моей поддержкой. Вы все еще считаете, что я, находясь за три тысячи километров от Франции, могу на кого-то повлиять. Бросьте. Езжайте в свою Бразилию. И если вам повезет увидеть мою Каролину, передайте ей, что я люблю ее, как и прежде. А теперь оставьте меня, Мюрат. Мне тяжело и больно на вас смотреть. – Император отвернулся к окну.

Мюрат с расширенными от ужаса глазами бросился вон из комнаты. Закрыв за собой дверь, он упал в обморок. Английские солдаты, со сноровкой санитаров, ловко уложили его на носилки и вынесли на воздух через боковую дверь.

Мишель Дюран нервно покручивал перстень на пальце:

– Это еще ничего толком не значит. Это игра, он играет с нами. Во всяком случае, Жан-Поль мог знать Мюрата тоже очень хорошо. Ведь он изучал историю Наполеона.

– Да, но он должен был знать тогда и то, что Мюрата расстреляли в тысяча восемьсот пятнадцатом году, – заметил Гарси, приятель Мишеля, режиссер. – А здесь он ничем не выдал своего удивления, камеры это четко зафиксировали. Настоящий Наполеон не мог знать о расстреле Мюрата. Теперь есть все основания продолжать эксперимент, мне этот сюжет определенно начинает нравиться. Но на сегодня хватит, надо еще повнимательней просмотреть запись.

Глава 7

Палин лежал на кровати и смотрел в потолок. Вошедшая в палату медсестра подошла к нему и внимательно взгляделась в его лицо. Оно было безжизненно пустым. Она осторожно тронула его за плечо:

– К вам пришли.

Палин не пошевелился.

– Сокольников! К вам пришел ваш брат, Николай, – громко и отчетливо произнесла медсестра.

Лицо лежащего мгновенно преобразилось:

– Что вы сказали?

– Петр Афанасьевич! К вам пришел ваш брат, Николай.

– Где он? – Палин быстро вскочил с кровати.

– Тише, тише, Петр Афанасьевич. Я сейчас его приглашу.

Она подошла к двери, открыла ее и громко произнесла:

– Прошу вас, Николай Афанасьевич. У вас пять минут.

Николай Афанасьевич вошел в палату с довольно напряженным лицом.

– Николаша! Дорогой мой! Как я рад тебя видеть, – Палин бросился навстречу, обнял его. Потом отстранился, глядя в лицо. – Ты просто не представляешь, как я рад тебя видеть. Обо мне словно позабыли. Мариша не приходит, Оленька. Куда все подевались? – Он опять прижался к Николаю Афанасьевичу.

Николай Афанасьевич развел руки, не зная, что ему делать. Он сделал огромное усилие над собой, чтобы осторожно обнять чужого человека.

Палин опять отстранился от него, крепко вцепившись в его руки:

– Как давно мы с тобой не виделись. Последний раз на день рождения твоей Настены. Ну как? Нравятся ей сережки, которые я подарил? Я все магазины объездил, никак не мог выбрать. Ох, и в кого она такая щепетильная? Мне с каждым разом все труднее и труднее подобрать ей подарок.

– Ты же сам учишь этому свою крестницу, – оправился от замешательства Николай, – тебе самому нравится получать в подарок изысканные, красивые вещи. Последний карабин, который я тебе подарил, ты до последнего винтика ощупал, под лупой все вензеля просмотрел. Про гостей забыл, так увлекся новой игрушкой.

– Да, да. «Сайга» прекрасна. Что поделать: оружие – моя страсть. Ты ведь помнишь нашу с тобой первую духовку, которую отец нам подарил. С нее все и началось.

– Еще бы не помнить. Ты мне ее почти не давал, спать с ней ложился. А сколько воробьев ты из нее перестрелял. А я их хоронил, и мы дрались из-за них с тобой.

– Поэтому я и стал настоящим охотником, а ты так никого не подстрелил за свою жизнь, сколько я тебя брал с собой на охоту. Может быть, Варенька и вышла за тебя, а не за меня. Ты нравился ей, такой степенный, рассудительный, добрый. А я вечно забияка, драчун, не привыкший к спокойствию. Мне всегда хочется быть впереди, на острие событий.

– Ну да, ну да. Поэтому ты... – Николай Афанасьевич чуть запнулся, – ты мэр, а я всего лишь доктор наук.

– Аха-ха-ха, – Палин рассмеялся. – А скажи-ка, доктор, почему меня здесь держат? Разговаривают как с больным, никого не пускают. Доктор тут один ко мне ходит из психбольницы, я там помогаю с ремонтом им. Так вот он, – Палин понизил голос, – уж больно часто и подолгу со мной разговаривает. А взгляд у него такой цепкий, как будто в душу ко мне заглядывает. Что-то нехорошо мне от таких бесед. Он мне и раньше предлагал лечь к нему в больницу, на обследование. Боюсь, что он что-то заподозрил в моем здоровье. Но я ведь не могу к нему

сюда на лечение идти. Если надо, то лучше в Германию, подальше от любопытных глаз. Что ты скажешь, Николаша? – Палин пытливо посмотрел Николаю в глаза.

Николай Афанасьевич напрягся, по его лицу пробежала какая-то тень.

– Что ты, Николаша? Ты за меня испугался? Да я здоров. Просто надо отдохнуть от всех этих дел. В последние три года я так устал. Как только пошла эта приватизация, люди словно с ума посходили, как в девяностые. Всем все стало надо. Все хотят урвать побольше, ни перед чем не останавливаются. Даже городские садики под офисы выводят, мелкие предприятия, фабрики банкротят. Лишь бы на их площадях магазин или склад сделать. В комитет по приватизации понатолкали бог знает кого. Купили всех с потрохами. А я один за всем не могу уследить, со всеми уже переругался. Ладно мой зам. Викентий Палыч пока еще помогает мне. И что меня еще больше беспокоит, Николаша? Это то, что за нашими местными предпринимателями стоят другие, более солидные люди. Москвичи скупают все. А за ними кто стоит? Сунешься на какой-нибудь заводик, а там уже не только не наши люди, но уже и не наша территория, до смешного доходит. На территории нашего самого крупного комбината находится котельная, которая, кроме самого комбината, снабжает теплом и горячей водой целый район города. Так мало того, что директор комбината москвич, так котельная принадлежит другому москвичу. Они меж собой бодаются: кто кому платить должен. А мы даже не вправе указывать, что они должны делать. Город мой, а вода в районе города не моя уже – московская. И с садиками тоже бомба замедленного действия. Каким-то образом садики закрывают, якобы для ремонта. А потом они исчезают. И в этом здании уже налоговая инспекция сидит, которую выперли с другого более престижного места. Население начинает претворять в жизнь установку партии на увеличение рождаемости, и тут же начинают расти очереди в садики, которых уже нет. Средства от приватизации профукали и опять на поклон к государству. Да еще местный криминал хочет урвать свою долю. Мало нам своих, так еще московские к нам приглядываются, наших оттесняют от кормушки. Нашего авторитета убрали, и совсем беспредел пошел – дележка по новой. Сил моих нет – со всеми бороться.

– Но ты ведь знал, на что идешь, – натужно резюмировал Николай Афанасьевич.

Он пристально вглядывался в лицо Палина, надеясь увидеть в нем черты своего родного брата, который говорил пафосом брата, но чужим голосом.

– Сейчас страсти кипят вокруг участка земли в нашем городе. Я хочу здесь построить аквапарк. Говорил с губернатором на эту тему, но он отнесся несколько скептически к моей затее. Его больше заботит обустройство площади на набережной нашего пруда. Я был прошлым летом в аквапарке в Казани. Вот это комплекс! Круглогодичное купание и загар. У кого не хватает денег на море, могут спокойно пару недель провести в аквапарке даже зимой. К ним едут из соседних городов, из соседних республик. Вся ближняя инфраструктура под этот аквапарк заточена. Отели, магазины, автостоянки. Ты представляешь, Николаша, какой оборот городу с этого можно иметь. И вот тут-то какая-то глухая стена непонимания. Земельный участок пока принадлежит городу – это уже огромный плюс. Деньги есть, чтобы начать строительство, даже проект можно взять казанский. Необходимо губернатора склонить на свою сторону. По его же памятнику-набережной туристы приезжие гулять будут – любоваться. Дополнительные деньги у центра только он выпросить сможет. Но вот уперся – и ни в какую. Слышал, что вокруг него москвичи-танцоры хороводы водят, чтобы на этом месте еще один торговый комплекс воздвигнуть. А кто там покупать будет? И так уже восемь штук стоят полупустые. Продавцы меж собой в компьютерные стрелялки играют: отдел на отдел. Ты прости меня, Николаша, что на тебя все это вываливаю, выговориться хочется, – Палин взял его за руки. – Мне один год остался, на второй срок вряд ли оставят. Поэтому времени мало, а хорошей поддержки нет. Аквапарк стал бы жемчужиной нашего города и хорошим дополнением к городскому бюджету. А там можно и дороги в порядок привести, новые садики понастроить, школы,

больницы. Ой! Что-то мне нехорошо стало. В последнее время сердце стал ощущать. Раньше не беспокоило, а тут как-то разом.

– Ты бы прилег, – Николай тихонько подтолкнул его к кровати, – ты никогда не жаловался на сердце. Тебе надо подлечиться и хорошо отдохнуть.

– Пожалуй, ты прав, что-то я перенервничал сегодня, – Палин присел на краешек кровати. – Николаша, ты бы не мог мне принести метаксу? Во рту от этих лекарств язык к небу присох.

– Я думал о коньяке, когда шел сюда, но побоялся, что доктор не разрешит, – Николай выглядел довольно смущенно.

– Конечно, не разрешит. Ты чуть-чуть, во фляжке моей – душегрейке.

– Хорошо, принесу.

– Вот спасибо. Иди, пожалуйста, я прилягу. – И он упал навзничь на кровать с широко открытыми глазами.

– Доктор! Скорее сюда! – закричал Николай Афанасьевич.

Дверь палаты распахнулась, вбежали два дюжих санитаров.

– Пожалуйста, Николай Афанасьевич, – подошедший доктор взял его под руку, – вам не стоит больше здесь находиться, зрелище из малоприятных.

Николай Афанасьевич вышел из палаты, лицо его было бледно, руки мелко подрагивали.

– Голубчик, вам плохо? – Невзоров всмотрелся в его лицо.

– Это невозможно, – проговорил Сокольников, – этого не может быть.

– Все прошло хорошо, Николай Афанасьевич. Успокойтесь. Вы даже не представляете, как вы нам помогли, – доктор сам еле сдерживался.

Но Николай Афанасьевич словно не слышал его, нервно перебирал руками, пытаясь унять дрожь.

– Это невозможно, доктор! – вдруг громко воскликнул он. – Этот ваш подопечный знает мою семью и называет их так, как мой настоящий брат. Он знает про мою жену, про мою дочь, про их пристрастия. Он разговаривал со мной так, как мы обычно разговаривали с Петром. А про пневматическое ружье из нашего детства знали только мы вдвоем, и я не помню, чтобы мы когда-либо вспоминали про него. А про воробьев? Постойте, доктор. Он мог читать мои мысли. Ведь когда беседуют два человека, то у другого возникают ассоциации воспоминаний, которые опережают вопросы. В этих воспоминаниях присутствуют ощущения, образы, имена, которые может фиксировать второй беседующий. Я уже сталкивался с подобными явлениями. Это что-то из психологии и вербального общения.

– Да, да, вы правы, уважаемый Николай Афанасьевич, – доктор задумался, – но в нашем случае пациент ничем подобным себя не проявил во время так называемой сознательной жизни. Во всяком случае, его родственники не говорили о его такой феноменальной способности. Но я попробую еще раз побеседовать с его женой уже более предметно. Хорошо, Николай Афанасьевич. Вы нам очень и очень помогли. Может вам все-таки дать успокоительное? Верочка, дайте, пожалуйста, Николаю Афанасьевичу валерьянки. И очень вас прошу, Николай Афанасьевич, голубчик, никому не говорите об этой встрече. Это очень и очень важно. И еще. Мне бы хотелось, если, конечно, вы согласитесь, еще несколько раз провести подобные встречи. Так сказать, для чистоты эксперимента, чтобы отсеять все возможные недоразумения. Это очень важно.

– Да, конечно, доктор, я согласен помочь вам. Но ответьте, может быть, на самый главный вопрос для меня. Куда подевалась та, родная душа пациента?

– Увы, любезный Николай Афанасьевич. У меня у самого куча неразрешенных вопросов в этом деле. Вот с вашей помощью мы и будем решать их. Пока не хотелось бы привлекать еще кого-то. И я надеюсь на вашу добропорядочность, пусть это все останется в глубочайшей тайне.

– Да, да, доктор. Можете не беспокоиться. С вашего позволения я пойду.

– Хорошо. Мой водитель отвезет вас домой. И пожалуйста, Николай Афанасьевич, примите пустырьник и постарайтесь хорошо отдохнуть. И еще. Может, вспомните из вашего далекого детства какой-нибудь не очень яркий эпизод с вашим братом? Такой эпизод, чтобы о нем мог знать только он и вы. Какая-нибудь шалость, проступок, о которых бы хотелось забыть и никогда не вспоминать. Только он и вы.

– Да, да, я понимаю, доктор. Я постараюсь что-нибудь припомнить. До свидания.

Невзоров посмотрел долгим взглядом на уходящего Сокольников.

– Тяжело ему придется. Пережить смерть любимого брата, а тут еще эксперименты с потусторонним миром.

– Да, садизмом попахивает, доктор, – сказал подошедший из соседней комнаты капитан Устинович.

– Что делать? Наука требует жертв, – пожал плечами Невзоров.

– Но в данном случае жертвы не ваши.

– Как знать. На кону моя репутация. Либо я оставлю ярчайший след в психиатрии, и не только в психиатрии, но и в истории человечества, либо меня втопчут в грязь – и я стану посмешищем до конца своих дней. Ну а вы, Александр Витальевич, убедились в жизнеспособности моей гипотезы?

– Хм, – Устинович усмехнулся, – я попробую еще получить заключение гипнолога по этой встрече, анонимно. Посмотрим, что скажет специалист в области вербальных отношений.

– Я бы тоже хотел в спокойной обстановке просмотреть полученную видеозапись. Я ведь тоже специалист по лицам.

– Конечно, конечно. Я сейчас же сделаю копию. Когда встречаемся?

– Я думаю, денька так через три, меня еще другие больные ждут.

– А я в свою очередь, – капитан задумался, – попробую навести справки по поводу участка земли, о которой упомянул ваш подопечный. Очень хороший может быть ключик в деле убитого мэра, весьма серьезный повод для устранения Сокольников.

Доктор очень серьезно посмотрел на капитана:

– И очень хороший повод навести на себя лично большие неприятности. Мне не хотелось, чтобы и с вами что-нибудь произошло, Александр Витальевич. Особенно сейчас, когда мы стоим, может быть, на пороге великой сенсации. Вы мне нужны сейчас как никогда, берегите себя. Те, кто убрал мэра, не остановятся ни перед чем. И пожалуйста, Александр Витальевич, не торопите следствие, не опрашивайте никого. Давайте попробуем узнать все максимально у нашего теперь подопечного. И если сказанное Палиным подтвердится, то это будет еще одним убедительным доказательством гипотезы о переселении души. Поэтому вы нужны мне живым и здоровым. – Доктор взял капитана за плечи, и впервые в его взгляде появились теплые отеческие нотки.

Глава 8

Приехав в управление, Устинович набрал телефон своего приятеля Лебедева. Тот занимался частной практикой в качестве гипнолога-регрессиониста.

– Привет, Гриш, – как можно более беззаботно поздоровался Александр, – можешь уделить мне полчаса своего драгоценного времени лично для меня?

– Неужели следователь решил проверить свое прошлое? – раздался смех на другом конце линии.

– Не злорадствуй, просто нужна консультация.

– Полчаса говоришь. Если где-нибудь около девяти, не раньше.

– Хорошо, ровно в двадцать один ноль ноль я буду у тебя. И если нальешь чаю, то я захвачу твои любимые круассанчики со сгущенкой.

– А что, на более солидное подношение денег не хватает? – рассмеялся Лебедев.

– Хватает, но сейчас нужна очень ясная голова и трезвое рассуждение.

– Понятно. Ну приходи, трезвенник, налью тебе чаю.

– Спасибо, Григорий, – капитан положил трубку.

Достал из сейфа дело Сокольникова.

«Участок земли в городе – лакомый кусочек для многих в нынешнее время. И охотников на него будет с избытком. И уж если мэр был убит из-за этого кусочка, то мелкие сошки здесь не в счет, сотрут в пыль. Кто-то очень серьезный положил глаз на эту добычу и отступаться не намерен. А если губернатор отмахнулся от затеи Сокольникова с аквапарком, то ли ему нет никакого дела до аквапарка, что весьма сомнительно в его положении, то ли на него тоже надавили или намекнули. Хм, интересно. Еще не убедился в правдивости слов пациента доктора, а уже новая версия сложилась, и довольно интересная версия, хоть сейчас в разработку. Сокольников говорил, тьфу ты, пациент говорил, что в комитете по приватизации почти все были против него при принятии важных решений. Только зам. его поддерживал. Может, попробовать с Викентия Павловича? Уж он на многое теперь может пролить свет. Правда, с ним уже встречался и что-то в нем не понравилось, слишком он открытый, дружелюбный, почтительно-вежливый. Сейчас исполняет обязанности мэра до выборов. А если напрямую спросить его об этом участке земли? И тем самым навлечь на себя, может быть, пристальное внимание, которое в таком деле пока ни к чему. Прав доктор, теперь у нас есть душа Сокольникова, самый что ни на есть свидетель. Да, если так рассуждать, то я, пожалуй, могу стать пациентом доктора».

Капитан включил компьютер и еще раз внимательно просмотрел запись. Затем запустил программу обработки видеофайлов и вырезал звук. Лебедеву не обязателен звук, ему нужны мимика и жесты. Звук здесь теперь вещдок, огласке не подлежит.

Ровно в девять вечера Александр сидел на диванчике для посетителей перед кабинетом Лебедева. Гипнолог-регрессионист Лебедев смог убедить своего приятеля нейрохирурга в том, чтобы тот на время выделил ему кабинетик в своем центре, для изучения спроса на новые услуги. Лебедев в недалеком прошлом, неплохой гипнотерапевт, работал в городской клинике и имел неплохую клиентуру. Лечение гипнозом в последнее время было очень популярным среди людей среднего достатка. Появление за границей нового течения гипноза с регрессией в прошлые жизни заинтересовало незашоренного Лебедева, и он недолго думая уехал на стажировку в Америку, где довольно успешно освоил методы нового направления. Получил степень гипнолога-регрессиониста и вернулся в свой город. Но главврач не захотел заниматься подобными экспериментами в своей клинике и посоветовал ему обратиться в какую-нибудь частную клинику. И вот теперь Лебедев, растеряв половину своей клиентуры, пытался внедрить в сознание оставшихся новые методы лечения с глубоким погружением в прошлые жизни. Он иногда

рассказывал Александру о своих некоторых удачах и очень сетовал на излишнюю осторожность своих пациентов, которые желали за довольно приличную оплату получать более серьезное и осязаемое лечение. Далекое прошлое за пределами настоящей жизни мало кого увлекало. Некоторые, побывав там, относили это к обычному сновидению, но довольно яркому и подробному. Григорий не раз приглашал Александра на подобную процедуру, тем более что Александр сам в свое время увлекался «Дианетикой», где погружение в прошлую жизнь тоже имело место. Мало того, он извлек значительную пользу от прочтения этих книг и даже мог объяснить некоторые черты своего характера, основываясь на полученной информации. Но излишняя религиозность «Дианетики» отпугнула его, в которой он увидел черты сектантства, да и характер его работы не предполагал занятия в этом направлении.

Наконец на пороге кабинета возник Григорий, провожавший своего пациента, довольно солидного по прикиду мужчину. Они вежливо попрощались, и Лебедев, сразу расслабившийся, махнул Александру:

– Заходи.

Они прошли в кабинет, Григорий щелкнул чайником:

– Давай свои круассанчики. Сначала чай, потом все остальное. Ты знаешь, иногда довольно интересная ситуация складывается. Попадают такие клиенты, которые так живо и красочно описывают свои видения, что я невольно сам начинаю видеть их образы и уже вместо стандартных фраз «Что вы видите?» или «Что вы слышите?» начинаю задавать вполне конкретные вопросы: «Какой длины копья у солдат и какого цвета их одежда?» Что еще более способствует погружению пациента в созерцание видения, вплоть до мельчайших подробностей, что уж никак нельзя отнести подобное явление к сновидениям. Я бы и сам не прочь еще раз прогуляться в свое прошлое. Только где найти у нас опытного гипнолога? Здесь любители-дилетанты опасны, как, впрочем, и в любом другом деле.

Григорий достал две расписные фарфоровые кружки из шкафа.

– Одна из Парижа, другая из Монако. Из какой будешь?

– Давай Париж. После некоторого недавно услышанного описания я заочно полюбил этот город.

– Заочно! – расхохотался Лебедев. – Его не заочно любить надо. Там надо побывать, и в душе надолго поселится тоска по нему. Париж, а не Стамбул – город контрастов. Вот где раскрываешься полностью. И любовь к круассанам оттуда. Вот ведь как устроена человеческая память. Достаточно взять кружку из Монако, например, и я уже вижу гвардейцев в белых мундирах перед дворцом, старинные орудия у его стен и великолепный вид на море с дворцовой площади. А вот каким образом человек видит свою прошлую жизнь и видит иногда в мельчайших подробностях? Вот где загадка. Не так все просто в нашем измерении.

Григорий разлил кипяток по кружкам, бросил по пакету чая.

– И ты кого угодно можешь «прогулять» в прошлую жизнь или даже в этой жизни вернуть пациента на несколько лет назад?

– Во-первых, не кого угодно, а только очень желающего. Во-вторых, не каждого. Есть такие, которые ждут, что из этого получится. Они все в ожидании, в напряжении, экспериментаторы своего рода. С такими ничего не получается.

– Да, любопытное занятие, – Александр задумчиво мешал сахар ложечкой в своей кружке, – не создавая и не способствуя созданию никаких материальных ценностей.

– Обычное заблуждение обывателя, – живо парировал Лебедев, – это вам так кажется. Фактически я ищу в прошлых жизнях и в истоках настоящей проблемы, которые мешают жить человеку в настоящем. Страх беременной школьницы, всяческие ухищрения в сокрытии своего живота напрямую ведут к различным страхам ее ребенка и к неосознанному его желанию постоянно быть в тени, не на виду, в настоящем. И эти страхи могут быть причиной заболеваний. Так называемая психосоматика.

– Это, конечно, интересно, но ты, похоже, опять сел на своего любимого конька. Давай лучше один сюжет посмотрим, коротенький, и ты, как специалист, дашь свое заключение, неофициальное, – Александр протянул флешку Лебедеву, – съемка тоже неофициальная, звука нет. Снимали через стекло, но это не важно. Необходимо определить, кто из двоих людей, участвующих в разговоре, говорит неправду. Тебе же это пара пустяков, а нам для подстраховки.

– Что ж, давай посмотрим твое кино. – Лебедев запустил ролик.

Он внимательно, без слов, отсмотрел сюжет, откинулся на спинку своего роскошного кожаного кресла и забарабанил пальцами по столу.

– Ты, может, не знал, но я еще и специалист по артикуляции и даже понял, о чем идет речь. А содержание речи говорит о том, что встречаются два брата и один из них чиновник. Тот, который поменьше и в пижаме. Вот он говорит живо, и все его поведение и мимика лица говорят о том, что то, о чем он говорит, его очень беспокоит. Говорит правдиво, и в то же время он ищет понимания и поддержки у второго, полноватого, высокого. Он весь в неподдельном ожидании. Все его поведение, его эти обнимания очень и очень правдивы. А вот второй, наоборот, ведет себя очень скованно, настороженно и – самое главное – недоверчиво. Слова словно выдавливает из себя, и лицо при этом выглядит так, будто он пересиливает себя. И вот объятие, которое там было, хорошо показывает, что он тяготится своего брата. Он только руки развел в стороны и так не обнял его. А лицо – это просто трагедия по Шекспиру. Да вообще, это и не специалисту хорошо видно.

– Так, так, – покачал головой Александр, – но в кино хороший артист, в роли тоже говорит весьма убедительно. Иногда его игра за душу берет.

– А что, этот щупленький хороший артист?

– Вот это бы и хотелось узнать, – многозначительно произнес Александр.

– Давай еще разок промотаем сюжет, – предложил Лебедев, – я теперь сосредоточусь только на нем.

– Давай, – встрепенулся Александр.

Лебедев повторно запустил ролик и буквально впился в монитор. Через некоторое время он опять откинулся на спинку кресла и смущенно произнес:

– Либо я ничего не понимаю, но сдается мне, что это действительно очень хороший актер, и, похоже, он косит под нашего мэра. Но мэра я знал лично. Теперь я могу понять смущение второго. Слушай, что за показ ты мне устроил? – вдруг настороженно спросил Григорий. – Ты хочешь, чтобы я помог тебе в расследовании убийства мэра. Не на того напал. Его грохнули солидные люди, наверняка за этот клочок земли, про который он тут говорит. Я у них на пути мешаться не собираюсь. А это что за постановка? – вопросительно вперился в Александра Лебедев. – Что за концерт? Говорит он вполне убедительно, и если бы я не знал нашего мэра, то мог вполне констатировать, что это самый настоящий мэр.

Он достал сигарету, закурил.

– Что ты молчишь? Говори. Что за кино?

– Этого я пока тебе сказать не могу. Это выходит за рамки следствия, и, чтобы немного успокоить тебя, я прихватил еще и успокоительное, на всякий случай. – Александр достал из сумки коньяк. – Пойдет?

– Пойдет, еще как пойдет.

– И я прошу тебя, Гриш, никому про это кино не рассказывай. Мало того, я бы хотел, чтобы ты помог мне в другом деле, больше связанном с твоей профессиональной деятельностью.

Глава 9

Николай Васильевич Невзоров сидел в своем рабочем кабинете и в десятый раз просматривал сюжет с братьями Сокольниковыми. Он, затаив дыхание, вслушивался в каждое слово, произнесенное Палиным, пристально вглядываясь в мимику его лица. И с каждым разом у него крепло убеждение в том, что говорит именно мэр. Разумеется, голоса были разные, тембр голоса был другой, но интонации и манера речи были, несомненно, мэра Сокольникова.

– Надо бы найти запись речи настоящего Сокольникова, видеозапись выступлений мэра на каком-нибудь мероприятии и еще раз сравнить, – проговорил Невзоров, – это во-первых. Во-вторых, надо еще раз побеседовать с его женой на предмет его пристрастий. И на предмет возможной встречи ее мужа с мэром по каким-либо вопросам. А в-третьих, – он возбужденно барабанил пальцами по столу, – надо позвонить Мишелю и пригласить его сюда для участия в последующих экспериментах. Тут надо коллективное осмысление этого явления, и, наконец, попытаться осуществить свою давнюю, еще детскую мечту – побеседовать с самим Наполеоном.

Пожалуй, именно эта его детская мечта и привела его в психиатрию, потому что выдающиеся личности прошлого «появлялись» чаще в психбольницах. И уже в институте у Невзорова возникла мысль о том, что души великих людей после их смерти неприкаянно бродят в просторах земных из-за того, что они что-то не доделали, что-то не успели, и поэтому не могут покинуть этот мир, не выполнив до конца возложенную на них миссию. Поэтому они выискивали людей, у которых была наиболее слабой связь души с телом, чтобы, потеснив имеющуюся там душу, завладеть телом и выполнить свою роль до конца. Понимая абсурдность этой идеи в современном обществе, Невзоров никому не раскрывал своей тайны. Он очень глубоко изучал свою науку, писал статьи в научные журналы, участвовал в симпозиумах психиатров и приобрел некоторую известность в их кругах. Он очень внимательно относился к своим пациентам, лично и подолгу беседовал с каждым. Но ни в одном из них он пока не обнаружил признаков двойственного поведения. И вот когда случай свел его с мэром, а затем с пациентом, который начал называть себя мэром, он сразу серьезно обратил на это внимание. Он был готов к этому давно. Невзоров перевел Палина в отдельную палату, вызвав удивление у больничного персонала. Он приказал уделять этому пациенту более пристальное внимание. Ни в коем случае не называть его настоящим именем, а тем более больным.

После обеда, на следующий день, в кабинет Невзорова вошла жена Палина. Уже с порога она взволнованно спросила:

– Что случилось, доктор?

– Ничего не случилось, Маргарита Андреевна, – как можно мягче сказал Невзоров, – проходите, садитесь. Уверю вас, это просто беседа. Состояние вашего мужа стабильное, без каких-либо сдвигов в ту или иную сторону. Проходит назначенный курс лечения. Я хочу с вами по другому поводу поговорить. Мне хотелось бы узнать о некоторых привычках Аркадия Степановича, которые появились у него давно, скажем в пору вашего знакомства с ним. Скажите, ваш муж не увлекался охотой или рыбалкой?

– Да нет, – несколько успокоившись, ответила Маргарита Андреевна, – у нас и ружья-то отродясь не было. Да какой из него охотник? Мать его соседа просила курицу зарезать. Крови он боится, да и животину он любит. Вон кот его сейчас без него с ума сходит. А по молодости рыбачил. Мы на реке жили, так там все рыбачили. Как в город переехали, то и рыбалку забросил.

– А кем работает ваш муж?

– Слесарем на заводе.

– Так, ну а привычки какие-нибудь необычные, часто проявляющиеся? Например, в период какого-нибудь радостного возбуждения характерные движения рук или лица.

– Ну да. Тряс руками как припадочный. Я всегда ругала его за это, когда видела.

– А смех? Были моменты, когда смех был не очень нормальный?

– Да нет, про смех ничего сказать не могу.

– Так, так. А на работе он занимался какой-нибудь общественной деятельностью?

– Нет, какой из него общественник? После работы сразу на диван и футбол свой до ночи смотрит.

– И еще такой вопрос, Маргарита Андреевна... Ваш муж мог знать нашего мэра?

– Откуда ж ему знать про него? Мы про него узнали только по телевизору, когда его убили. А почему вы об этом спрашиваете? – насторожилась она.

– На одной из наших с ним бесед он ругал мэра за плохие дороги.

– И вы хотите сказать, что это он убил мэра? Из-за дорог?

– Нет, я ничего не хочу этим сказать. Да и разговор у нас этот был после убийства. Это я у вас для проформы спросил. Я лично был знаком с нашим мэром, и мне было не очень приятно слышать о нем плохие слова. Мы часто осуждаем чиновников за плохую работу, но они иногда не в состоянии что-либо сделать. А вот Сокольников помог нам с ремонтом этого здания, и мы иногда беседовали с ним здесь. И еще один вопрос, пожалуй, наиболее важный из всех. Ваш муж злоупотреблял алкоголем?

– Да как все. Праздники не пропускал, зарплату там. Но никогда не напивался, домой приходил всегда сам. При этом был такой смирный-смирный, разве что говорил громче обычного. Вспыльчивый он был.

– Так, так, – насторожился Невзоров.

– Было у него как-то наоборот. Когда трезвый – из-за любого пустяка мог скандал устроить. А когда выпивший – добряк добряком. Поэтому и не ругала его за пьянки. Работал, пил на свои, из дома не тащил, и ладно.

– Отлично, отлично, – задумчиво проговорил Невзоров.

– Могу я повидать своего мужа? – спросила Маргарита Андреевна.

– К сожалению, это пока нежелательно. Он сейчас проходит стабилизирующий курс по моей новой методике, все контакты ограничены. Никакие эмоции: ни положительные, ни отрицательные – сейчас ему не нужны. И это продлится недели три-четыре. А потом мы вас пригласим, и то только одну, чтобы только вы, после нашей консультации, начали навещать его. Очень осторожно вводить в курс повседневной жизни.

– Вы хотите сказать, что его еще можно вернуть к нормальной жизни? – с некоторым недоверием спросила Маргарита Андреевна.

– Будем лечить, – уклончиво ответил доктор. – Спасибо, что пришли. Я и вызывал вас в основном из-за того, что вам придется воздержаться от посещений. А вот кот нам может пригодиться, берегите его. Это как компонент для возвращения в нормальную жизнь. До свидания, Маргарита Андреевна.

– До свидания, – несколько растерянно произнесла она и вышла.

Невзоров выключил запись и удовлетворенно потер руки. «Прямых контактов Палина с мэром его жена не зафиксировала. Да и что может связывать заводского слесаря, диванного любителя футбола и пива после зарплаты с мэром города? Ничего. Так почему душа мэра вселилась именно в это тело и в моей клинике? Вон – недалеко есть наркологический диспансер. Уж куда более доступные тела, с более слабой душевной политикой. Стоп! Стоп! Сокольников выбрал Палина, потому что он лежит у меня. Он выбрал меня».

Невзорову показалось, что в кабинете стало светлее.

– Сокольников выбрал меня, чтобы через меня попытаться сделать то, что не смог сделать сам.

От этой мысли у доктора закружилась голова, и ему показалось, что душа Сокольниковы пытается внедриться в его собственное тело. Он даже машинально произвел мимику лица, характерную для Сокольниковы, на которую он обратил внимание сразу при их первой встрече. Он откинулся на спинку кресла, пытаясь успокоиться.

– Надо взять себя в руки и все еще раз хорошенько обдумать. В таких рассуждениях можно далеко зайти, благо остановить некому.

Он набрал номер телефона Устиновича.

– Здравствуйте, Александр Витальевич, Невзоров говорит. Ну как? Вы просмотрели видеозапись?

– Здравствуйте, Николай Васильевич. Да, посмотрел.

– Могли бы мы подышать свежим воздухом, скажем, в парке? Есть некоторые соображения, коими я хотел бы с вами поделиться.

– Хорошо. Тогда в пятнадцать часов у входа в парк. У меня тоже есть кое-что для вас.

Глава 10

Капитан Устинович как-то сразу расположил доктора к себе. Невзоров, благодаря своей специальности, хорошо разбирался в людях, профессионально. Иначе и быть не могло. Тридцать лет изучения психологии людей, характеров, привычек, психических заболеваний сделали свое дело. Он мог уже чувствовать людей при первом знакомстве, при первом взгляде. Ничто не могло ускользнуть от пристального взгляда Невзорова. Он только одним своим цепким взглядом выводил человека из равновесия и начинал читать его как открытую книгу. И Александр сразу вписался в строго очерченный круг Невзорова, которому он мог всецело доверять.

– Вы пунктуальны, Николай Васильевич, здравствуйте.

– Здравствуй, Александр Витальевич. Я ценю не только свое время.

– Можно просто Александр. И я смотрю, и взгляд у вас сегодня не такой колючий.

– Знаете ли, это профессиональное. Вы ведь тоже в случае опасности тянетесь за пазуху.

А кстати, вы оружие носите?

– Когда на выезде, беру, а так не ношу.

– Вот и зря. Советую сейчас непременно быть при оружии, даже дома. К тайне, к которой мы прикоснулись, нужно относиться с пониманием и с осторожностью. Расследование убийства я считаю второстепенным делом здесь. Главное здесь – переселение душ, которое мы должны доказать с вами. И сейчас я хочу услышать, что вам поведал ваш специалист.

– У меня друг – гипнолог-регрессионист Лебедев – занимается частной практикой. Так он подтверждает правдивость поведения Палина при разговоре с братом Сокольников. Я предварительно вырезал звук, но он по артикуляции губ смог понять смысл сказанного, в том числе и про этот злополучный участок земли.

– Так, понятно. А почему злополучный? – поинтересовался Невзоров.

– А потому что мэра убрали именно из-за этого куска городской земли. Кому-то этот участок приглянулся.

– Хм, возможно, возможно. Что ж, вполне допускаю эту вашу версию. Я потратил не зря время вчера и сегодня тоже хочу подчеркнуть достоверность поведения Палина. Но для пущей убедительности мне бы хотелось получить на руки видеозапись выступления Сокольников на каком-нибудь мероприятии, и желательно посвежее. Последние выступления. Сможете найти такие записи?

– Запросто. Сделаю запрос в городскую телекомпанию, они предоставят как материалы для следствия.

– Отлично. И вот еще что, Александр. Сегодня я думал над тем, почему мэр выбрал мою клинику.

Александр вопросительно уставился на доктора.

– Да, да, Саша, именно. Почему он выбрал именно мою клинику? И нашел этому вполне логичное объяснение. Он выбрал меня. Он понял, что только я смогу обратить пристальное внимание на пациента, который возомнит себя мэром. И он не ошибся. Он хочет что-то сказать мне, что-то важное для него, из-за чего он здесь задержался.

– Так не проще ли тогда расспросить этого вашего Палина напрямую, как мэра?

– Не думаю, что это возможно именно так. Во всяком случае, мы имеем дело с очень тонкой материей и грубое прямое воздействие может только навредить. Палин хорошо раскрылся перед братом Сокольников, поэтому надо и дальше входить с ним в контакт через Николая Афанасьевича, предварительно объяснив, что нам требуется узнать. Вам ведь нужна информация, которую вы уже можете целенаправленно проверять, не гадая на кофейной гуще. А мне нужна достоверность этой информации после ваших проверок и тем самым получение доказательства переселения душ.

– И когда мы можем организовать следующую встречу с братом? – спросил Александр.

– Думаю, дня через два-три, не раньше. Но и оттягивать время встреч тоже нельзя.

– Да, но он настаивает на встрече с женой и дочерью, – заметил Устинович.

– Вот за эти дни и надо что-нибудь придумать, проинструктировать Николая Афанасьевича. Не хотелось бы вовлекать в это дело других родственников, а тем более кого-нибудь из администрации мэра. Чаще всего при таких делах ниточки нужно искать среди ближайшего окружения. А вот с замом его я бы и сам не прочь побеседовать, тем более что у меня есть весомый повод – продолжение ремонта здания поликлиники.

– Отличная мысль, – оживился Александр, – и еще бы запись разговора сделать, чтобы его физиономия на весь кадр.

– Он ведь не согласится беседовать под камеру, – усомнился доктор, – и потом, его нужно каким-то образом уговорить заехать ко мне в клинику.

– Так у нас и дело тонкое, теперь без камеры никак не обойтись. А у меня в кабинете его тем более не снять – нарушение человеческих прав.

– А у меня, стало быть, можно?

– Здесь случай уникальный, доктор. Нарушение во имя науки. Тем более что видеозапись можно будет сразу после детального изучения уничтожить. Только вы и я. И потом, вы же будете обсуждать свои строительные дела, разве что вскользь упомянете Сокольникова и его преждевременную гибель на посту мэра и посетуете на грубость современных нравов при ведении городского хозяйства. Вот бы через эту процедуру провести всех членов комитета по приватизации, – мечтательно закончил мысль Александр.

Попрощавшись с Невзоровым, Александр по пути в управление решил заглянуть в книжный магазин к Елене. В его размеренный уклад жизни опять вмешалось какое-то постороннее чувство, которое в последнее время мешало сосредоточиться на делах. Засиживаясь в управлении допоздна, он ловил себя на мысли, что просто сидит за столом и рисует каракули на листке бумаги. Мысли его путались, сталкивались меж собой и неизменно приводили его в тот вечер в кафе, где он разговаривал впервые с Еленой. Прошла уже почти целая неделя после этого вечера, но он никак не мог его забыть. После того как Александр расстался со своей первой женой, он решил выждать некоторое время, чтобы собраться с мыслями. Со времени развода прошло года три, но он не ощущал течения времени, работа поглощала его целиком. Бесконечные телефонные звонки сопровождали его повсюду. С родителями он виделся редко, в основном на днях рождения. Чаще свободное время проводил в кругу друзей, и хотя многие уже пережились и даже обзавелись потомством, он не прерывал связи с ними. Часто приглашал их в свою холостяцкую берлогу, стал баловаться спиртным. И все, казалось ему, хорошо. Он с усмешкой слушал их жалобы на отсутствие своего жилья, на постоянную нехватку денег, частые болезни детей. Эти вещи его не тяготили. Он лишь утверждался в своей правоте, что одному все-таки лучше. Лишь толстый кот скрашивал его одиночество.

И вот теперь в его душе поселилась дисгармония. Понятно, Невзоров со своей гипотезой о переселении душ. Тема, конечно, забавная, но не более того. Хотя встреча в больнице немного вносит сумятицу в обычное положение дел. Но больше всего внимание Александра начинает занимать Елена. Если бы не Невзоров, то он долго бы не решался зайти в книжный магазин, чтобы попытаться проверить легенду о переселении душ. Вроде бы и рабочий момент, а вылился в чудный вечер. Конечно, прошла всего лишь неделя. Еще другая, третья – и все придет в норму, но какое-то сомнение родилось в нем самом, и он никак не мог отмахнуться от воспоминаний о ней. И больше всего его будоражил ее голос. «Ей бы диктором на телевидении работать, а не в книжном магазине», – думалось ему.

Александр подошел к магазину. Несколько учащенный пульс и легкое волнение вызвали удивление у него. «Как перед задержанием», – мелькнула мысль, и он вошел. Ему всегда нравилось быть в книжных магазинах. Эта любовь к книгам не прерывалась никогда. Он читал

всегда в свободное время. Все книжные полки в его квартире были завалены книгами. Они уже не умещались на полках и стопками лежали на подоконниках, столах. Не желая выбрасывать старые книги, он перевез часть на дачу, думая, что на пенсии он снова вернется к ним. Он читал электронные книги, но не испытывал того удовольствия, как от книги в руках, от ее тяжести, от ее притягательного вида. И некоторые он перечитывал и дважды, и трижды только оттого, что они были на виду, они манили его.

Елену он увидел сразу. Он остановился у входа, не решаясь подойти к ней. Она обернулась и приветливо улыбнулась, и в этот миг Александру показалось, будто включили свет или луч солнца заглянул в магазин. Он сам невольно улыбнулся и подошел к ней.

– Куда же вы запропалились? Обещали сходить в зоопарк, и? – шутливым тоном спросила она.

– Простите, пожалуйста. Работа. Проверял вашу догадку о переселении душ.

– И как, убедились?

– Вы знаете, Елена, в современном мире, свободном для всяческих рассуждений и теорий, не все так просто. Каждая мысль имеет право на существование в тот момент, как только она зародилась. И просто так отмахнуться от нее мы не имеем права.

– И вы хотите сказать, что действительно занялись тысячелетней теорией о переселении душ?

Александр, почти по-невзоровски, внимательно взглянул в глаза Елены. В этот миг он почувствовал себя сжимающимся комочком, который обволакивали черные зрачки Елены. Его охватило то чувство блаженного состояния, которое он испытывал только под ласкающими руками матери в детстве.

– Да. Меня вынуждают обстоятельства заняться этим многовековым вопросом, – несколько ослабевшим голосом произнес он. – И надеюсь, вы мне поможете.

– Я? – отпустила его Елена.

– Да, – он встряхнул головой, возвращаясь в реальность и нехотя освобождаясь от сладкой истомы.

– И каким же образом?

– Все пока очень просто. Мне нужны зафиксированные в литературе данные о подобном явлении. Любые: проверенные, непроверенные. Как можно больше.

– Вы это серьезно? – удивилась она.

– Более чем, – Александр лишь вскользь пробежал по ее глазам. – Именно эта информация мне сейчас очень нужна. Я пока не могу рассказать вам того, что знаю. Но поверьте, когда вы узнаете, вы будете поражены.

– Хорошо, я поищу, – несколько растерянно сказала Елена, – вы только для этого пришли сюда?

– Не только, – Александр старался удержать себя в руках, – тут фильм хороший про Харламова показывают. Может, сходим вечером в кино?

– Сто лет не была в кино, даже не представляю, как сейчас там.

– Тогда я заеду за вами после работы. Я тоже давно не был в кино, так что посмотрим – каково оно сейчас.

Глава 11

Ехать в управление Александр не решился, он чувствовал на своих губах улыбку и ничего не мог с собой поделаться. Он перезвонил дежурному и поехал на телецентр. Сидеть в своем кабинете в такое время ему не хотелось, да и под руку начальству попадаться желания не было. Он наконец понял причину разлада своей гармонии в душе. Елена, прекрасная Елена. Эти глаза: чистые, без кокетства, без игры, добрые – взволновали его. Они и сейчас были перед ним: огромные, обволакивающие.

Приехав в телецентр, он прошел в приемную директора.

– Капитан Устинович, следователь прокуратуры, – капитан показал удостоверение секретарю, уже немолодой женщине, – могу я поговорить с вашим директором?

– Капитан Устинович? – по лицу секретаря пробежала усмешка. – Династия продолжается?

– Нет. К той династии отношения не имею.

– Игорь Петрович! – нажала она на кнопку переговорного устройства. – К вам из прокуратуры.

– Пусть войдут.

Александр вошел в кабинет:

– Здравствуйте, Игорь Петрович. Капитан Устинович, следователь прокуратуры.

– Здравствуйте, – приподнялся с кресла директор, – чем могу служить?

– Я веду дело об убийстве нашего мэра Сокольникова Петра Афанасьевича и хотел бы, с вашего позволения, получить видеоматериалы его выступлений на различных мероприятиях за последние года два.

– Хорошо, – пожал плечами директор и вызвал секретаря. – Дина Васильевна, пригласите мне, пожалуйста, Вишнякова. – А скажите, товарищ капитан, есть хоть какая-то надежда раскрутить это дело? – спросил Игорь Петрович. – Я понимаю, что тайна следствия и все такое, но хоть какая-то надежда есть?

– Работаем, – сухо ответил Устинович.

– Да, в кои-то веки хороший руководитель города был, и того не уберegli. Хозяйственный был мужик, до всего ему было дело. Да и чего скрывать, мы с ним в одном классе учились.

– Вот как? – удивился капитан. – А можно поподробней, не под протокол?

– А хоть и под протокол. Не скажу, что мы с ним были закадычные друзья, но в хороших отношениях. Он в школе уже был секретарем комитета комсомола. После окончания университета работал в научно-исследовательском институте инженером и снова секретарем комитета ВЛКСМ. Чего там он только ни организовывал! И фотовыставки, и местный радиоузел, и коллективную радиостанцию для коротковолновиков, туристические слеты. Возле общежития построили детскую площадку. Затем перешел в райком комсомола, райком партии, а когда началась эта неразбериха в девяностые, ушел в бизнес. Избирался в депутаты городской думы. И вот когда он баллотировался в мэры, то здесь уже я помог ему. Освещение его деятельности, его предвыборной программы было на должном уровне. Да.

– А вот пристрастия его, не связанные с работой, были у Сокольникова? Рыбалка там, охота, горные лыжи?

– О, горные лыжи он любил. Я даже пару раз с ним ездил в Альпы покататься на лыжах. Но охота, скажу я вам, была его самой большой страстью. Это был настоящий охотник, очень любил оружие.

– Любил оружие? Вы не знаете, откуда у него такая страсть к оружию? Обычно на привалах вечером, после удачной охоты, да под хорошую выпивку охотники любят поговорить про свои трофеи, ружья, – полюбопытствовал капитан.

– Ну как же, не без этого, – чуть приосанился Игорь Петрович, – там в кругу своих и расслабляешься полностью. Это ведь как разрядка. Чего только не услышишь. Да там и не поймешь: где правда, где байка.

– Вот вы охотником как стали, Игорь Петрович?

– Я? Да у меня дед потомственный охотник. Отец охотником был. Я к ружью сызмальства привык. А Афанасьича, то есть Петра Афанасьевича, я охотником сделал. Мы с ним еще в школе с моим отцом на охоту ходили. Мой отец первый раз дал ему из ружья стрельнуть – с тех пор и пошло. А почему вы про охоту напираете? – вдруг заинтересовался Игорь Петрович.

– Так ведь Сокольников на охоте был убит. На несчастный случай не похоже.

– Да, очень удобно. Сразу никто толком не поймет: кто стрелял? Зачем стрелял? Охота – она и есть стрельба. Я в тот день в Казани был по делам – это упреждая ваш вопрос о моем местопребывании. Сокольников и попросил меня, чтобы я обстоятельно, своими операторами, местный аквапарк отснял. Сюжет попросил сделать для доклада на городском совете. Уж очень он хотел такой же аквапарк у нас в городе построить. Теперь вряд ли получится.

– Почему?

– Место, где он хотел построить этот аквапарк, уж очень кому-то приглянулось. А сейчас нет Сокольникова, нет идеи, нет главных претендентов на землю, – Игорь Петрович внимательно посмотрел на Устиновича. – Вот такая вот, стало быть, была охота.

Капитан молча посмотрел на директора. В дверь постучали.

– Войдите, – излишне громко крикнул директор, – вот мой редактор новостей, Вишняков Павел Васильевич, – представил директор вошедшего. – Это следователь прокуратуры, капитан Устинович. Павел Васильевич, помогите товарищу капитану в его вопросе. Он вам на месте все обскажет. Вы только не затягивайте.

– Хорошо, Игорь Петрович, все сделаем. Прошу вас, товарищ капитан.

Устинович с Вишняковым поднялись на третий этаж и вошли в комнату с надписью на двери «Архив». Сидящая за монитором девушка вопросительно посмотрела на вошедших.

– Ритуля, Игорь Петрович просил удовлетворить все запросы товарища капитана.

– Прямо-таки все? – девушка томно посмотрела на Устиновича.

– Все, что в твоих силах и объемах нашего архива. Так что не буду вам мешать. Если что, Ритуля знает, как меня найти, у нас срочный материал в работе, – поспешно откланялся Вишняков.

– И что вас интересует, товарищ капитан? Я так полагаю, вы из полиции? – спросила Рита потускневшим голосом.

– Да, из прокуратуры. И интересуют меня выступления нашего мэра Сокольникова на различных городских мероприятиях за последние два года. И, пожалуй, его предвыборная агитация. Игорь Петрович говорил, что ваша телекомпания очень хорошо освещала его предвыборную кампанию. Сделайте, пожалуйста, нарезку сюжетов таким образом, чтобы присутствовал только Сокольников, без лишней воды.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – отрапортовала Рита.

– Простите, Рита, за официальный тон, – смягчился Устинович, – можно прямо сейчас найти его предвыборные материалы? Остальные можно и попозже.

– Сейчас попробую. Вам копию на диск или флешка есть?

– На флешку. У меня всегда с собой чистая флешка имеется.

Глава 12

Александр сидел на скамье в скверике напротив книжного магазина. До окончания работы Елены оставалось еще более получаса времени, как раз чтобы подвести некоторые итоги. Хотя по его линии расследования итогов не наблюдалось. В основном он выполнял поручения доктора Невзорова, а в своем направлении не продвинулся ни на шаг. Если не считать появления новой версии убийства Сокольникова из-за участка городской земли, которую он услышал из двух уст. «Версия, конечно, веская, но и заказчики убийства тоже не дураки. Убрать мэра и сразу предъявить права на землю – верх глупости. Другое дело, если участок сразу перепродать третьему лицу, который, как говорится, ни сном ни духом. Перепродать, даже не выставив на торги. Только поспособствовать через своих людей и людей из комитета по приватизации, чтобы участок ушел в нужные руки. Тогда дело вообще дрянь. Киллер давно гуляет по Парижу, а может, уже на пути к богу. Винтовка, найденная на месте преступления, абсолютно чистая, нигде не светила. Остаются члены комитета по приватизации, особенно те, которые будут настаивать на выставлении на торги этого участка. Если вообще дело дойдет до торгов. Можно и без этой процедуры обойтись. Вряд ли кто захочет спорить из-за этого клочка городской земли, политой кровью мэра. Местные олигархи точно не станут. Стало быть, пришлый и несведущий. А если дело так, то надо срочно проводить прокурорскую проверку по проведению торгов городского имущества и выяснить, куда ушла или уходит земля городская. Ну а дальше, выявив владельца, можно просто предъявить ему обвинение в убийстве мэра с целью завладения участком. Ход грубый, но попробовать надо. И тут два пути: либо сотрудничество со следствием, что маловероятно – жирный кусок затмевает разум; либо полное непонимание и недоумение, и даже возмущение – фактов-то никаких. А вот если помочь Невзорову в его экспериментах, то, возможно, это поможет в раскрытии преступления. Если Палин среагировал на брата Сокольникова, то почему бы этому Палину, допустим через душу Сокольникова, не рассказать Николаю Афанасьевичу по этому самому участку более подробно. Наверняка кто-то приходил к мэру, предлагал сделку, и, скорее всего, не раз и не два. Теперь надо только эти моменты целенаправленно освежить в памяти у Палина. Вернее, в душе Сокольникова. И появится клиент, а там и ниточка. Сокольников должен назвать его имя, раз про духовку из детства вспомнил. Опять же вода на мельницу доктора, лишний аргумент в пользу Невзорова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.